

“ОТСЮДА ПЕРЕДАЧИ ШЛИ НА ГОРОД...”

Это писала О. Берггольц о блокадном радио. Но передачи шли не только на осажденный город, но и на Большую землю – на страну. И даже на весь мир. Недавно Ленинградское-Петербургское радио отметило свое 80-летие. В его славной и сложной, запутанной, а также и прежде и ныне достаточно драматичной истории место исключительно заметное и абсолютно достойное занимает героическая эпопея блокадного вещания, беспримерного подвига радиожурналистов, дикторов, актеров и всех сотрудников Ленрадио, совершивших невероятное в нестигаемом единстве с армией, моряками Балтики, всем населением города.

В год 60-летия Великой Победы над фашизмом тема всенародного подвига в Великой Отечественной войне стала мощным катализатором духовного объединения людей на постсоветском пространстве, вехой воссоздания того единого информационного и культурно-исторического пространства, о котором говорится достаточно много, но делается значительно меньше. И здесь роль, творческий и военно-исторический опыт Ленрадио не переоценить.

При естественном тогда отсутствии телевидения, хотя есть сведения о существовании на Ленинградском фронте технической телетрансляционной линии связи для нужд ПВО (см. об этом: И. Лисочкин “Взгляд за линию фронта” и “Вот такой приоритет” / Выстояли, победили. Ленинград – блокада – радио. Сб. статей и воспоминаний. СПб., 1994), при запаздывании, перебоях с доставкой и невыходе газет во фронтовых условиях радио являлось той единственной коммуникационной “нитью жизни” (М. Прудолинская), которая соединяла замерзшие квартиры и голодных ленинградцев в них с городом, страной, властью, фронтом, далеким тылом, наконец, миром. Оно служило самым действенным инструментом мобилизации населения на отпор агрессору, во многом регламентировало жизнь осажденного города (сигналы воздушной тревоги и “отбоя”, объявления об артобстрелах, о нормах питания, о поведении в осадных условиях, о готовности к тревогам ночью, при передвижении по улицам, о готовности к противопожарной, противохимической обороне, о разведении огородов в городских скверах, бульварах и т. д.). Без этих регламентаций, высказанных и в форме приказа и в стихотворных беседах О. Берггольц с “Дарьей Власьевной, соседкой по квартире”, трудно себе представить быт блокадного города.

“Митинг миллионов” – эта формула классика целиком подтверждалась в блокадных условиях, ибо иначе, чем при помощи радио, невозможно бы было собрать сколь можно большие аудитории при отсутствии транспорта, отапливаемых помещений и других трудностях блокадного кольца, да еще при постоянной вероятности подвергнуться бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Радио объединяло разрозненные и разобщенные группы людей в единую монолитную цепь обороны города-фронта.

“Стихи и сводки и о хлебе весть” – своеобразное поэтическое осмысление известной классической формулы о триединстве функций СМИ. О. Берггольц ставит именно стих на первое место, подчеркивая духовное начало радиовещания. Широко известно о приходе с началом войны писателей в газету, на радио на журналистские должности, на ежедневную корреспондентскую работу. Для Ленрадио это было особенно характерно. Вс. Вишневский, О. Берггольц, В. Кетлинская, В. Инбер, Вс. Азаров, Л. Успенский, Б. Лавренев, А. Прокофьев и другие литераторы значительно расширили жанровую палитру своего творчества, родив форму “радиоречи” – своеобразного открыто пафосного и в то же время камерно-интимного конкретного обращения к каждому радиослушателю персонально. Эти речи и беседы посвящены были военным и политическим событиям, в чрезвычайной доходчивой и образной форме разъясняли задачи на сегодняшний день.

Радио и в блокаду не утратило чистоту ленинградского стиля выступления перед микрофоном. Оно сберегло чтецкие актерские и приумножило дикторские традиции. “Мы сохраним тебя, русское слово!” – сказала по радио А. Ахматова, и это было в полной мере воплощено в повседневном вещании Ленинградского радио.

Именно здесь совершен был подлинный прорыв в репортажную стилистику. Прямые репортажи по проводам с передовой линии фронта, из окопов, с борта крейсера, ведущего артдуэль, с вражеской дальнобойной батареей, с борта подводной лодки, с зенитной батареи, по радиоэфиру – с борта самолета-разведчика, корректировщика стрельбы, бомбардировщика – все это стало обычным рядовым и непреходящим делом фронтовых репортеров Л. Маграчева, М. Блюмберга, М. Фролова.

Первые на отечественном радио здесь использовали репортажный автобус с записью на пленку, затем трофейную репортерскую установку с записью на проволоку. С громоздкой аппаратурой репортеры ухитрились быть вездесущими (проволочный магнитофон размещался на грузовике-полуторке), и не однажды записывали репортажи на передовой, в атаке. Радиорепортажи распространились в жанр радиопереклички: тыла с фронтом, города со страной, с “Большой землей”. Родившись в годы пятилеток, этот жанр осуществлял связь с далеким тылом, с родными в эвакуации, с отцами и мужьями на фронте. Радиопереклички превращались в адресные направленные передачи в далекую Сибирь, в сражающийся Киев, в союзнический Лондон.

Сражающийся Ленинград вел передачи и на стан врага, на оккупированную территорию, для народных мстителей – партизан, для жителей освобожденных районов в Партизанском крае. Опыт вещания на немецком, финском, шведском, эстонском языках (комментаторы австрийские антифашисты Фриц и Эрнст Фуксы, финский поэт Армас Эйкия и др.) еще мало изучен, но говорит о подлинно новаторских приемах регионального иновещания.

Много говорится сейчас о журналистах в горячих точках, в чрезвычайных обстоятельствах. Спорят об этике, профессионализме, позиции. А истоки надо искать в поведении журналистов на фронтах Великой Отечественной. В единении с народом, в общей борьбе (“Я не работала, я жила”, – сказала о себе Ольга Берггольц в беседе с Л. Маграчевым) за свободу, честь и достоинство своего народа. Блокадный камертон задал ту высокую ноту гражданского звучания, которую радио не имеет права забывать и пренебрегать и ныне.